

Лухи Ланц

Чужачки

Fiction

МОСКВА

УДК 821.411.16-34
ББК 84(5-Изр)-44
Л24

Lihi Lapid
ON HER OWN

Published by arrangement with HarperVia, an imprint of
HarperCollins Publishers.

Перевод с иврита Галины Сегаль
Дизайн обложки Владимир Безкровный

Л24 Лапид Л.
Чужачки : роман / Лихи Лапид ; [пер. с ивр. Г. Сегаль]. — М. : АЗБУКА,
2026. — 448 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-29923-8

Юная Нина просыпается в подъезде, ее платье разорвано, лицо болит от синяков. Не сразу, но она вспоминает: мужчина, которого она любила, оказался преступником и негодяем. И ей ни в коем случае нельзя попадаться ему на глаза.

Нина не может вернуться домой: это опасно, да и они с мамой страшно поссорились в их последнюю встречу. И что же ей теперь делать?

В том же подъезде живет пожилая Кармела, последняя местная представительница некогда большой семьи, младший отпрыск которой вот уже несколько лет живет в Америке. Больше всего на свете Кармела скучает по своему сыну и внучке, которых иногда с трудом вспоминает из-за деменции...

Поэтому, когда Кармела принимает Нину за любимую внучку, это меняет жизни сразу нескольких семей.

Полная бытовой трагедии и психологизма, эта история — обо всех ипостасях женщины в современном мире, о каждодневных препятствиях и о том, как настоящая поддержка помогает преодолеть всё.

УДК 821.411.16-34
ББК 84(5-Изр)-44

ISBN 978-5-389-29923-8

© Галина Сегаль, перевод на русский язык, 2026
© 2021 by Lihi Lapid
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА»®, 2026

Ее будит шорох шагов. Она понятия не имеет, где находится, но знает, что шевелиться не стоит. Все чувства обострены. Запах незнакомый. Она осторожно приоткрывает один глаз и видит, как по ступенькам к ней спускаются мягкие красные тапки, над которыми нависает ночная рубашка. Она беззвучно сворачивается в углу калачиком и пытается вспомнить, как оказалась на этой лестнице. Ее яркое мини-платье колется, и она осознает, что сидит без трусов, а потому крепко сжимает ноги. Ей неизвестно, сколько часов она тут торчит. Пытается открыть глаза, но свет флуоресцентных ламп на площадке жжет и слепит. Она снова их закрывает. Хочется спать, спать бесконечно, положив голову на ступеньку. Исчезнуть. Но это ни к чему не приведет. И тут она вспоминает: место — вот что ей нужно. Место, где можно на какое-то время укрыться.

Он не верил, что она может такое выкинуть. «Ты без меня не сможешь. На четвереньках обратно приползешь!» — сказал он громко

и пошел гоготать в лад со своими друзьями и соскребать с нее последние крохи достоинства, пока она умоляла: «Но ты ведь обещал!» А он просто пересел на переднее сиденье, врубил музыку на полную громкость и закурил сигарету, пока те — рядом с ней — лапали ее. «Я тебе верила», — изможденно шептала она, хоть и знала, что он не слышит, и снова умоляла: «Хватит, перестаньте...» А он убавил гремящую музыку и велел ей не оскорблять его друзей. «Чем они тебе не угодили? Весь вечер на руках тебя, что ли, не таскали?» И расхохотался. И тут же, обозлясь, закричал: «Да что ты из себя строишь?»

Хмырь, от которого несло лосьоном после бритвы, тот, что все пожирал ее глазами, сказал: «Не бери в голову, Шмуэли, все в норме, у меня бывали сучки и покруче», — расстегнул ширинку и начал нагибать ее голову вниз, пока другой мужик стягивал с нее трусики. Она попыталась сопротивляться, но он их порвал.

Они остановились на светофоре. Она почувствовала, что ее вот-вот вырвет.

Свет на лестничной клетке погас.

— Кто здесь? — Она слышит, как та женщина, прошаркав вниз в своих красных тапках, говорит старушечьим голосом — тем самым, в котором слышатся годы воспоминаний. Через минуту свет снова зажигается, и она пользуется этим моментом, чтобы открыть глаза и оценить опасность. Она прислушивается к тому, как старушка шаркает к выключателю, и пытается задержать дыхание. Ей нужно еще немного времени, решить,

что делать дальше, понять, где она и куда ей бежать. Мысли так и кипят в голове. Вернуться она не может, несмотря ни на что. Да и некуда. Не к нему — это точно, да и домой тоже нельзя.

— Здесь есть кто-нибудь? — снова спрашивает старушка, включая свет, и он слепит Нину, заставляя ее заслонить рукой глаза, так что ей не видно ничего, кроме потрепанных красных тапок этой неугомонной старушенции, которой пора бы уже вернуться в квартиру, к себе в постель.

Она шарит рукой в поисках своей сумочки или телефона и понимает, что, убегая, ничего не взяла. «Идиотка», — шипит она на себя. Глаза начинают привыкать к свету, она делает глубокий вдох и напрягается всем телом. Нина выскочит на улицу, куда — неважно. Только бы эта липучка-старушенция уже исчезла и дала ей подумать и решить, что делать дальше.

А больше всего ее бесит, что мама-то оказалась права. Блин!

Свет снова погас.

Первые лучи солнца разбиваются о стеклянную дверь дома, окрашивают желтым цветом силуэт этой женщины. Теперь уже ясно, что старушенция ее видит.

Она пытается придумать, что ей сказать, когда старушенция вдруг радостно восклицает:

— Дана! Что ты здесь делаешь?! Заинька моя!

Нина старается спрятаться от солнечных лучей, но ей ясно: все, она по уши влипла, тут уже не только старушенция, но еще и какая-то Дана, которая вот-вот появится. И она зыркает

по сторонам, пытаюсь сообразить, откуда взяться этой Дане. Она обязана смыться, пока до старушенции не дошло, что никакая она не Дана и нужно вызвать полицию... Вот тогда ей точно конец.

Но прежде, чем она успевает шевельнуться и сообразить, что происходит, старушенция подходит к ней и обнимает.

— Дана! — радостно бормочет она, а потом отстраняется, чтобы повнимательнее взглядеться в лицо Нины.

— Дана... Даночка моя! — говорит она. — Ты здесь. Ты ко мне вернулась!

Нина опускает голову, пытается спрятать лицо в растрепанных волосах. «Только бы эта старушенция снова не включила свет», — молит она в душе, у нее раскалывается голова.

— Тебе хана! — проорал Шмуэли ей в спину. — Решила справиться тут без меня? Скоро узнаешь, что тут к чему. И кому ты позвонишь, а? Кто тебя выручит? погоди, ты еще умолять будешь... — Больше она ничего не слышала. Нина не знает, что болит сильнее — сердце или скула, по которой он ударил, когда она сказала, что не хочет сидеть с ними сзади, а он ответил, что ей не понять, насколько это неуважительно по отношению к его друзьям. Она не раз видела, как дают пощечину, — и в кино, и в жизни. Некоторые ее подруги не раз получали по лицу от матери или отца. Нина просто не знала, что это так больно. Скоро, когда она посмотрится

в зеркало, то увидит у себя на лбу черно-синюю отметину и даже не вспомнит, как ее получила, ударил ли ее кто или, может, сама ударилась головой об косяк двери, пытаясь сбежать. Она прокликает тот день, когда встретила с ним. Тот день, который до сих пор считала самым счастливым в жизни.

Нина всегда знала, что у нее есть красота. Она росла с этим знанием. Это как у других есть одеяло, или мячик, или папа. Став подростком, она начала замечать свои недостатки и решила, что все остальные девчонки куда как ее совершеннее — удачливее, или красивее, или хитрее, или волосы у них всегда идеально лежат, или грудь побольше (у нее-то она маленькая). Но со временем она не могла не почувствовать, что происходит с людьми, когда они на нее смотрят. Зрелые женщины — те самые, что в детстве обнимали Нину, трепали за щеку или совали конфетку, трижды сплевывая от сглаза: тьфу-тьфу-тьфу, — больше не прикасались к ней и даже не подходили близко. Тепло взглядов и улыбок тоже исчезло. И чем дальше отходили эти зрелые женщины, тем ближе подступали ее соученицы, те, что пытались уловить, понять, прикоснувшись, украсть частичку этого шарма, от которого дух захватывает. Следом за ними стали клеиться мальчишки, будто она медом намазана, а потом начали увиваться и ребята постарше, сперва с гордо выпяченной грудью, потом на мотоциклах, а затем стали пялиться и мужики, выходящие из машин, до блеска отполированных за

несколько центов каким-нибудь мальчишкой. Иные пробовали привлечь ее внимание. А другие пытались поймать ее в свои блестящие, жужжащие сети, связать веревками и на мгновение получить ощущение, что им дано этим дивом воспользоваться. И Нина видела, как они напрягаются от этих своих усилий.

А были и мужчины, которые лишь рассматривали ее и не пытались заполучить или с ней сблизиться, зная, что шансов нет. Точно как сама она любовалась на дорогие бренды в витринах торгового центра. Эти мужчины смотрели на нее, понимая, что она не про их честь. Им это не светит. Мужчины, которые уже получили довольно ударов судьбы и знают свое место в жизни, те, что ходят по торговому центру за женой, придерживая ее сумочку. Те, что на нее только любуются и вспоминают юность и чувствуют, что упустили девушку, которой так и не осмелились признаться в своих чувствах. Именно эти мужчины видели то, что Нина так усердно старалась скрыть, — ребенка в ней. Их взгляды, словно осторожные руки, счищали с нее колючки, обнажая уязвимость, от которой она хотела убежать. Те мужские глаза, которые побуждали ее мать сказать то, что для Нины так ненавистно: «Он хороший человек». «Да кому он нужен, этот хороший человек?» — спрашивала она, смеясь про себя, а то и вслух, когда они сидели за столом из зеленоватого пластика в узкой кухоньке, где можно уместиться лишь вдвоем.

И ее мать отвечала: «Мне».

«Хороший человек, да нафиг он нужен, мама, ты просто ничего не понимаешь», — сказала она ей. Что нужно, так это человек сильный. Человек, обладающий властью. И не сказала, как мечтает о появлении такого человека, который вытащит ее отсюда, посадит в машину и увезет в другие края. Нет, хорошим человеком он не будет. На этот счет у нее иллюзий нет. Но Нина была умна, знала кое-что об этом мире и думала, что сможет воспользоваться им не меньше, чем он пользуется ею. Воспользоваться им, чтобы улететь далеко-далеко. И вот он явился. И ей нужно лишь иногда к нему прикоснуться, а это терпимо. Шмуэли, которого приятели звали Джонни, так на нее запал, что все сложилось прекрасно. И она тоже слегка взволновалась, почувствовала, что сильна, что у нее над ним власть. Как сильно он пристрастился к ее рукам. К ее прикосновению. Шмуэли прилетал за ней к школе. Он заезжал за ней утром, лишь бы провести с ней эти пять минут. Вечером он оставлял Офру смотреть новости, а сам подсакивал и просил: «Ну спустись на минутку к машине». Сначала ему многого и не требовалось. Только ее рука, иногда слегка губы. Потом он начал запускать руки под одежду, и это длилось подольше. Из-за этого он захотел забрать ее на целую ночь.

Мама сидела напротив нее. Она водила по пластиковому столу своими шершавыми ладонями, снова и снова смахивая невидимые крошки. Потом подняла руку к голове, вынула заколки, и ее густые, некогда пшеничные волосы мягко

рассыпались по плечам. И тогда Нина впервые увидела, сколько в них просквозило седины, как потускнел их прежний блеск.

Их уже было пора помыть. Обе они это знали.

— Это плохая идея, — в отчаянии сказала Ирена, пытаясь остановить поезд, который давно ушел.

Когда Ирена была в Нинином возрасте, ей тоже казалось, что она знает лучше. Лучше всех. А в итоге оказалась дурехой. Сейчас она здесь, одна с дочкой, которая думает, что знает лучше, и не понимает, что это не так. Ей только что исполнилось восемнадцать. Умна, не поспоришь, но не настолько, как сама себе кажется. И сколько можно не замечать — на ней ведь будто выбито слово «беда». Огромный, яркий предупредительный знак, вписанный прямо в ее красоту. Потому что Нина гораздо красивее, чем сама она была в ее возрасте.

Она была симпатичная дурочка. А ее Нина красивее. Слишком красива.

Нина боролась с этим годами. В детстве она изо всех сил старалась показать людям не только это, пыталась это скрыть, прятала лицо за волосами.

— Дай на тебя посмотреть! — сказал Шмуэли, обхватив ее лицо после того, как убрал с него волосы, и придвинулся близко. Слишком близко.

— Ты обещал не трогать, — сказала она.

— Верно, — ответил он, — и свои обещания я всегда выполняю, так что трогать не буду, но,

может, ты сама... — и притянул ее руку к своему паху. — Конечно, только если сама захочешь, — и расхохотался. — Но ты не обязана.

Но в конце концов оказалось, что обязана. Не в тот самый день, но два дня спустя, когда уже почти рассвело, а Нина безумно устала и знала, что утром у нее экзамен, и хотелось вернуться домой, чтобы принять душ. И она протянула руку и дотронулась до этого места в его брюках, и он сжал ее руку своими руками, со всей силы, и в ее ухе зазвучало его дыхание, одышка и стоны, и ей не захотелось видеть, как исказилось его лицо. И Шмуэли сказал ей, что теперь вот он из-за нее такой грязный.

Что для следующего раза у него есть идея получше. Которая сохранит его чистым.

— Ты не понимаешь, ты просто не понимаешь! — сердито крикнула ей мама, когда Шоши в детском саду сказала ей, с кем ее дочка связалась. — Ты еще ребенок. Какие у тебя могут быть дела с таким типом?

— Он меня любит.

— Уж прямо-таки любит? Может, хочет тебя, но не любит.

— Он меня любит.

— А ты его любишь?

— Он меня любит.

— Я не об этом тебя спросила.

— Я — да. Я — да.

— Ты — нет. Да и он тебя не любит. Ты для него никто. Он просто тебя использует. Он тебя

выбросит, выбросит как старую тряпку. Зачем тебе это нужно? Ты представляешь, какая у тебя будет репутация?

— Ты не понимаешь! — крикнула Нина, сжимая материнские пальцы, заставляя ее взглянуть на свои натруженные руки с короткими ногтями и облупившимся лаком, который она нанесла в честь бар-мицвы, устроенной соседкой Михаль для младшего сына. — Я не стану такой, как ты! Я не буду портить свою жизнь, свое тело, свои руки только ради того, чтобы заплатить по счетам в этой дыре. Про это забудь. Я не буду такой, как ты. Я уеду отсюда!

— Ты мне не хаами! — повысила голос Ирена, и от злости все звуки взорвались тем акцентом, от которого ей не удавалось избавиться, который не смягчился с годами. И потом прошипела по-русски: «Сука, сволочь, шалава...»

И Нина замолчала. Ей хотелось заорать, но она поняла, что зашла слишком далеко. «Я ей докажу, — сказала она себе, — я ей еще докажу».

Последовало долгое молчание, а затем Ирена встала и вышла из комнаты, как всегда высокая и гордая, только плечи выдают усталость. Восемнадцать лет она в одиночку тянет этот воз и вот впервые почувствовала, что у нее больше нет сил. Ей хотелось, чтобы хоть раз кто-то и о ней позаботился. Она вспоминает тот свой день рождения, когда Нине было пять лет, — как она пришла с работы, а дом полон сердечек, свечей, цветов, которые Нина собрала, нарезала и расставила в ее честь. И как они сидели вместе, она,

бабушка и Ниночка, и как она подула на свечки и разом погасила.

— Что ты загадала? — спросила ее Нина.

— Нельзя рассказывать, иначе не сбудется, — ответила она, хотя ей так хотелось разделить с ней свою радость. Сказать ей, что там, на этой крошечной кухоньке, есть все, о чем она мечтала. Наконец-то они вместе, втроем, и больше им никто не нужен. А потом бабушки не стало, и как тяжело было без нее, как Нина старалась восполнить ее отсутствие. Постепенно прошли годы и все наладилось, и ей больше ничего было не нужно. Им вдвоем хорошо. Отлично. И она знала, что Нина вот-вот вырастет, но не думала, что это произойдет так быстро. Месяц назад она вложила немного денег в небольшой накопительный фонд для студентов, чтобы у ее маленькой Нины, у ее красавицы-дочки, было то, чего у нее самой никогда не было. Для себя она ничего не хотела, только чтобы малышка ее взлетела как можно выше. Но не такой ценой. Не с мужиком, который похитит ее и причинит вред.

Ирена идет в душ, умывается, смотрит на себя в зеркало и вспоминает, как и она, подобно Нине, считала себя умной и тоже думала, что сумеет обвести этих мужиков вокруг пальца. И правда ведь обвела. Как же он ее любил! Но это угасло так быстро, а она со своим животом была уже не столь красива и не столь счастлива. И в конце концов очутилась где-то посреди знойной пустыни, на втором этаже, одна с малышкой.

Без языка, без профессии, с мешком обещаний, которые он передарил следующей жене. А она и по сей день расплачивается за это своим одиночеством. Потому что красота в какой-то момент тебя предает, увядает, потихоньку меркнет, и взгляды мужчин уже не сопровождают тебя, а взгляды женщин не задерживаются на тебе на лишнюю секунду, чтобы пробежаться по твоему лицу и телу. Битва проиграна, и ее итог предсказан. Иногда скачущая галопом лошадь может притормозить на одном из поворотов, и на мгновение тебе покажется, что ты победила, и ты поверишь, что она вот-вот остановится, но нет. А красота все устает, разрушается и в конце концов гибнет под тяжестью прожитых лет.

Что же касается красивых женщин, то на них годы наваливаются с еще большей жестокостью.

Она впервые работает на одном месте, не бежит из дома в дом, чтобы набрать побольше часов, не борется с измождением ради заработка. Ради поставленной цели. Скоро год, как она начала здесь работать. И кстати, ей нравится. Наконец-то она не одна, а среди людей. Женщин. И хотя сама мысль о работе среди женщин пугала ее — в молодости она с коллегами не ладила: сплетни, тесные кружки, зависть, вечные разборки, — теперь все было иначе. У них больше не было причин ей завидовать. «Грустная правда», — думала она. С годами она привыкла убирать квартиры в одиночку, после четырех часов работы в одном месте переходить на пять часов в другое,

и большую часть времени никто ее не видел. Тело болело, но ей нравилось быть самой по себе и что никто не вмешивается. Но сейчас Ирена обнаружилась, как на самом деле приятно, что ее видят, замечают ее усердие и старания. И как бы она ни вкалывала, это все равно легче, чем выбивать тяжелые ковры из гостиной и передвигать кровати, потому что хозяйка дома непременно под них заглядывает. С первой минуты на новой работе она решила со всеми ладить, не вмешиваться в склоки помощниц с воспитательницами и в разборки между воспитательницами и руководством. Ей-то что. Она отвечает за приготовление еды и уборку. Ирена до сих пор удивляется тому, как сильно ей сейчас нравятся вещи, которые когда-то ее отталкивали, — ответственность и работа в коллективе. У нее ставка с отпускными днями и каникулами в праздники и еще всякими бонусами — она и не думала, что у нее будут блага в виде расчетного листа, отпуска по болезни и ежемесячных пенсионных накоплений, при том что не нужно гробить здоровье ради лишнего шекеля. Сейчас ей хочется только попасть в штат постоянных сотрудников. Только этого, и тогда она и правда обретет душевный покой. Потихоньку-полегоньку она берет на себя все больше ответственности, расширяет свои обязанности, и вроде никто в детском саду уже и не помнит, как тут было без нее.

— Ты кладешь конструктор «Лего» в посудомоечную машину? — удивленно спросила менеджер Шоши.

— Если детальки перемазаны кетчупом и вермишелью, тогда да.

Шоши рассмеялась, сказала, что это гениально и сама бы она не додумалась. Ирене так нравится быть с детьми. Они рады с ней находиться, рады ее приходу, и их присутствие пробуждает в душе такую нежность, о которой она и не подозревала. Присутствие детей придает ей уверенности, ей не нужно беспокоиться о том, что они подумают или скажут, не нужно защищаться от этих малышей, которые еще не успели испортиться, мягкие и сладкие, как плоды кактуса, не обросшие пока шипами. И она наслаждается их любовью. Любовью маленького мальчика, который бежит к ней в слезах, маленькой девочки, которая просит собрать ей волосы. А какими золотками они были вчера, когда в поисках квасного перед Песахом проверяли каждый уголок детского сада, используя при этом традиционные перья и свечи. «Помогаем Ирене сделать садик кошерным на Песах», — так они это называли.

Она сидит на остановке и ждет автобуса. Завтра канун седера¹, и она возвращается домой от Хавивы.

— Пожалуйста, помоги мне подготовиться к празднику, — попросила Хавива. — Как я без тебя?

¹ Седер Песах — ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах.

Ирена столько лет помогала ей подготовить седер, и каждый год Хавива пыталась уговорить ее посидеть с ними, но Ирена всегда отказывалась. Сколько бы денег она ей ни предложила, неважно. Она говорила, что с удовольствием придет завтра утром. И несколько раз действительно приходила, но потом переженились Хавивины сыновья, и ей уже помогали невестки. «Дождь-лась!» — сказала ей Хавива.

— Останься помочь мне завтра вечером, и я тебе заплачу, — попыталась уговорить ее Хавива и в этом году, может потому, что это стало уже их традицией. Но Ирена заранее знала, что захочет вернуться домой к своей Нине, побыть с ней. И вот этот день настал, а Нины нет. Кто бы поверил две недели назад, что такое случится? Именно сейчас, когда она наконец-то может дать им ту жизнь, о которой они мечтали, Нины рядом нет. «Еще пара дней, и вернется. Наверняка», — успокаивает она себя. Будет много слез и боли, но они справятся. Только бы начальница выполнила обещание и оформила ее на постоянную занятость. «А может, — оглядывая улицу, осмеливается понадеяться она, — может, Нина и вообще уже дома». Десять дней прошло, хватит! Может, уже вернулась. Уже нет терпения дожидаться этого автобуса.

С тех пор как Нина с ним познакомилась, она заговорила с Иреной так, как раньше в жизни бы не посмела. У нее самой не хватало смелости в таком тоне разговаривать с бабушкой. Хамство

исключалось. «Никакой культуры», — всякий раз бормотала она, сжимая руку маленькой Нины, когда видела, как какая-то девчонка на улице или в супермаркете кричит на свою мать. Она следила за рекламами матнасов¹ и, если намечалось что-то интересное, первая покупала им обеим билеты, даже если дама в кассе бросала на них недоумевающий взгляд — зачем, мол, тащить маленькую девочку на спектакль для взрослых. Ирене это было без разницы, она откладывала все больше и больше денег на культурные мероприятия. Два раза они ездили в большой город, в Беэр-Шеву, чтобы послушать концерт, и один раз — на спектакль израильского русского театра «Гешер», на котором им не удалось досидеть до конца — боялись опоздать на последний автобус. Они сидели в последнем ряду, на самых дешевых местах, но это ей не мешало, а на втором концерте Ирена поговорила с билетершей, и в антракте та подозвала их и перевела в четвертый ряд. «Четвертый ряд — самый лучший, — сказала билетерша и сердито добавила: — Кто же пропускает, когда у него место в четвертом ряду? Никакой культуры». И с тех пор Ирена никогда этого не забывала. Теперь, благодаря новой работе, она заказала билеты на концерт симфонического оркестра под управлением какого-то любимого всеми израильянина,

¹ В Израиле так называют районный общественный центр, в основном ориентированный на детей, подростков и пожилых людей.

два действительно хороших места в третьем ряду сбоку. Потому что у нее теперь новая работа. И она это заслужила. Но Нины нет. И она злится. Злится на отсутствие культуры, на то, что ее Нина разговаривает как эти сабры¹ — в той же некрасивой, неуважительной манере. Хорошо, что бабушки уже нет в живых и она этого не слышит. Не видит. Ее слабое сердце бы разбилось. Ее сердце было уже надломлено после долгих лет холодов, и все, чего она хотела в последние годы своей жизни, — это солнца. Говорила, что хочет не в больницу, а только к морю. К морю. И больше всего на свете хотела апельсинов.

В ее печаль и ее гнев вдруг, без всякого предупреждения, бьет что-то еще. Как кулаком в грудь. Может, с Ниной какая беда? До сих пор она об этом не думала, не думала, что, возможно, с ней происходит что-то плохое. Нужно было помешать ей, а не трещать про гордость да воспитание. Какое значение имеет гордость, если ее Нина сейчас в опасности? Колеса этого поезда стучат прямо по сердцу.

Подъезжает автобус, и она прокручивает в голове тот день, то, как она сидела и слушала Нину, летящую по ступенькам на своих высоких

¹ Сабра — так на израильском сленге называют каждого рожденного в Израиле еврейского ребенка.

Этот термин означает распространенный в стране вид кактуса «опунция инжирная», а в переносном смысле репатрианты третьей алии 1919–1923 годов стали так называть евреев — уроженцев Израиля.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Лapid Лихи

ЧУЖАЧКИ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *К. Оленина*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *И. Малыгина, А. Сухарева*
Компьютерная верстка *С. Иванова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
@UrAvgPhoto / shutterstock.com
@ Boris-B/ shutterstock.com
@ saahmad0808/ shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.03.2026.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-39070-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, к. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,	Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
БЦ «Регул», 2-й этаж	Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

